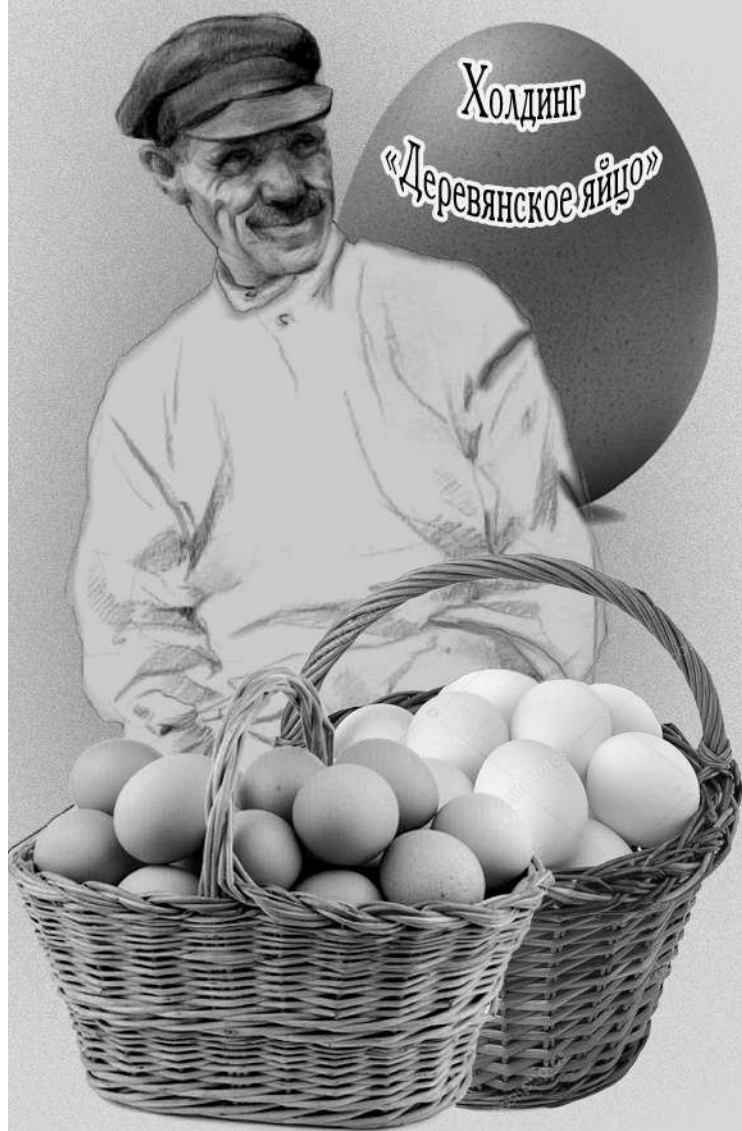

рассказ

Николай БЕРЕЗОВСКИЙ

г. Омск

1

Вечером, точно помню, на пустыре между моим домом и автомагистралью, ведущей с моста и на мост через Иртыш, одни давно привычные старухи с тарных ящиков торгошили чем бог послал. А утром на службу отправился — палатка объявилась. Не армейская, конечно, — торговая. Если просто, сборно-разборный из древесно-стружечных плит домик с прилавком по «фасаду». Из таких с ранней весны до поздней осени всякой всячиной торгуют — чаще всего овощами да фруктами.

Палатка, потеснившая старушек, зарабатывающих прибавок к скудным пенсиям жареными семечками да оставшимися с зимы самодельными вареньями-соленьями в стеклянных банках, специализировалась на яйцах, о чём и извещала проходящих мимо вывеска, на фанере которой коряво, но яркими красками значилось: «Деревянное яйцо».

Вывеска меня и привлекла.

Писалась вывеска, должно быть, как раз владельцем палатки — мужичком явно деревенским, судя по давно канувшим в лета косоворотке и картузу, сбитому на затылок. Именно такими внешне описывают в книгах да показывают в фильмах обитателей русских сёл да деревень, точно они, когда-то соль земли, настолько отстали от жизни и цивилизации, что и не ведают о повсеместно распространённых и более удобных в весенне-летнюю пору футболках и кепи-бейсболках. Как и о кроссовках, поскольку продолжают париться в кирзе, надраенной ваксой. Торгаш палаточный — заглянул я позже за прилавок — как раз в кирзовые сапоги и был обут.

Позже, уточняя, потому что, обнаружив неожиданно для себя пробившуюся на пустыре всего за одну короткую конца мая ночь палатку с аляповатой вывеской, присутствие хозяйствующего в ней определил сначала лишь по верху картуза, выпяченного макушкой. Самого заслоняли тётки да бабки, облепившие прилавок, а лезть в эту толпёшку, из которой довольные покупательницы отваливали с полиэтиленовыми пакетами да сумками, наполненными яйцами, не хотелось.

Впрочем, вскоре у «фасада» никого и не осталось. У торгующего «деревянскими» яйцами товар и

впрямь оказался штучным. И в розницу, и оптом, поскольку, если бы кто купил его оптом, унёс бы и без помощников — своими руками. Об этом красноречиво свидетельствовала опустевшая тара — не фабричные картонные ячейки, а пара грубо, но крепко сплетённых из ивовых прутьев корзин. Вернее, чтобы подчеркнуть их вместимость, это были кузова, с какими, демонстрируют в киношных лубках о деревне, селяне якобы ходят по грибы. Один пусто отдышал за сапогами торговца, а другой, надо думать, задержался на прилавке из-за единственного на его дне яйца — непривычно крупного и прямо-таки светящегося желтком под почти прозрачной скорлупой. Я даже, признаюсь, ощутил его запах — запах свежести.

— Почём? — спросил я, чтобы завязать разговор.

— Два червонца — десяток, — назвал торговец смешную для нашего города цену.

У нас за яйца с шарик для настольного тенниса вдвое запрашивают, а уж таких футбольных, если с теннисными сравнить — пару шваркнешь на сковороду — и яичня, — я отродясь не видал.

— Так у тебя же нет десятка, — подавил я удивление.

— Ну, — без интонаций ответил он, подняв на меня глаза неопределённого цвета и без той самой в них крестьянской хитринки, какую обязательно выпячивают в своих произведениях пишущие о деревне или снимающие о ней художественные ленты.

И лицо его было вовсе не простецким, какое, опять же, будто бы поголовно присуще живущим на земле и землёй. Лицо как лицо — обыкновенное: и нос как нос, а не картошкой, и губы как губы — не в сале, и скулы как скулы, а не играющие желваками, как у кинематографического Шукшина. Не образное, словом, как и моё.

— Что «ну»? — ощутил я неприязнь к этому лицу, не типичному для деревенского, и обозвал его про себя, чтобы хоть как-то охарактеризовать, «деревянским». «Деревянское яйцо — деревянное лицо!» — срифмовал даже.

— Ну, бери оставшееся, — пояснил он равнодушно.

— Остатки сладки? — съязвил я.

— Ну, — то ли согласился он, то ли проигнорировал мою язвительность. — Берёшь?

Я взял, передав ему двухрублёвую монету, хотя рассчитывал, не скрою, что он отдаст яйцо за так, от широты крестьянской души, — закусить при-

годится. Чего мелочиться-то, когда торговля сделана, от одного яйца, отданного задарма, не забудет, как и не очень-то прибудет, а такая необременительная щедрота, именуемая рекламной, глядишь, и аукнется выгодой в будущем — постоянным покупателям. Увы, палаточник, видно, не знал, что реклама — двигатель торговли, и, опустив монету в карман синего передника, убрал с прилавка осиротевшую корзину-кузов. Затем намерился опустить полог, закрывая свою лавочку. Я, однако, не уходил, мешая ему.

— Ну! — поторопил он меня.

— А ты вывеску-то свою читал? — усмехнулся я.

— Ну? — глядел он на меня без интереса.

— Сам, небось, и писал? — не отстал я.

— Ну, — вроде бы подтвердил он.

— Вот те и «ну!» — подбоченился я. — С ошибкой написал. Через «е» в третьем слове слово «деревенское» пишется, а не через «я», как у тебя!

— Ну, — опять же без интонаций «нукнул» он и дёрнул за шнур, опускающий полог. Я едва успел отскочить от прилавка, а то зашибло бы этим пологом, склёпанным из металлических полос. Такие «задергушки», если не ошибаюсь, жалюзи, кажется, называются. Но у торгаша, вывалившего затем из своей палатки, они на гильотину смахивали. Замкнув фанерную дверцу на огромный — амбарный, если по-деревенски, — замок и будто не замечая меня, он повернулся уходить в сторону остановки общественного транспорта. Но я загородил ему путь. Не разборку устраивать из-за чуть не отсечённой головы — надеясь на нечаянную халтуру, поскольку никогда не чурался и не чурюсь никакой работы, а тут сама наваяливалась.

— Слушай, а с вывеской-то что будем делать?

— А чё с ней делать надобно? — прикинулся он придурком.

— А то! — не поленился я объяснить вновь. — С ошибкой писана. Давай я скоренько поправлю. И не за дорого — на пузырь, и в расчёте. Расходный материал — кисть, краска — мой, а я рядышком обитаю, — показал на свою двенадцатиэтажную жилую башню.

— Да пошёл ты!.. — лениво послал меня мужик, по возрасту, определил я, оказавшись с ним лицом к лицу, помладше меня годков на десять. А мне, что скрывать, скажу в рифму, скоро сорок пять. Почему и обиделся:

— Старших уважать надо!

Но он, отодвинув меня крутым плечом, направился к остановке.

— Ха! — сплюнул я ему в спину. — Тогда я тебя по-другому пропишу, Буратино! — тут же награбил его и кликухой, хотя он ничуть не походил на изделие папы Карло. Но так награбил, чтобы он наверняка не услышал, — почти про себя.

И прописал, едва оказавшись на службе, потому что никогда никому обид не прощаю, а на руку и слово скорый. На руку — поскольку художник дипломированный, а на слово — поскольку «акула пера». Так газетка «Новая вечёрка», конкурирующая с нашей, просто «Вечёркой», меня недавно возвеличила, пусть и в кавычках. Да к тому же в год, объявленный Годом русского языка, реплика о неграмотной вывеске была в самую масть. А в придачу к ней, не подавшись сразу вслед за палаточником на остановку, я ещё эту вывеску фоткнул мобильником. И редактор тотчас загнал мой материал в номер. На первую полосу!

— Ага, вбили мы «Новой...» кой-куда яйцо! — довольно сказал он, просмотрев материал уже в полосе, и вытягал из стола пузырь. — Закусь есть?

— Имеется, — вспомнил я про яйцо, но редактор яйцо прикарманил: мол, жене презентую, пусть подивится. Пришлось выпить, заюхав рукавом...

2

На другое утро, не поленившись сбегать в не очень близкий к моему дому киоск «Роспечати», я купил свежий номер родной мне «Вечёрки», поскольку гвоздевые материалы свежего номера выставляем на сайте газеты спустя три дня после выхода, а ещё минут через десять был уже у палатки «Деревянское яйцо».

Несмотря на рань, здесь вновь, как и сутки назад, прилавок облепили, точно мухи, тётки да бабки, а ещё то ли очередились, то ли пытались пробиться без очереди к «фасаду» несколько представителей сильной половины человечества пенсионного возраста. С пакетами, опять же, с хозяйственными сумками, а один даже с оцинкованным ведром литров на десять. Слух об удивительных яйцах по бросовой цене, похоже, уже распространился по нашему микрорайону. Так что пришлось ждать, когда Буратино сбудет свой товар. И теперь подоль-

ше, чем намедни. Ровно на одну корзину, вычислил я позже, но на этот раз ни в одной из трёх непроданного яйца не оказалось.

«Потому что Бог троицу любит, а вчера плетёнок было две», — почему-то подумалось мне. Так что зря я на дармовой закусон, пахнущий свежестью, рассчитывал, купив после газетного киоска и пузырь: или чтобы опохмелиться с торгашом, если ему реплика поглянется, или для обороны, коли он не сообразит, что я ему халаявную рекламу устроил.

Сообразил — не сообразил ли, поглянулась ему реплика или не поглянулась, я, признаюсь, так и не понял, потому что если он и оценил её, прочитав, то совершенно неопределённо — двойным нуканьем без всякого выражения на морде лица:

— Ну-ну, — и, не вернув газету, вновь едва не отсёк мне жалюзи-гильотиной голову.

А дожидаться его выхода с амбарным замком из палатки терпения у меня не достало. Сами понимаете почему. Как и редактор понял, когда я ему звякнул по мобильнику: занедужил, мол. «Недужь, — разрешил он. — Заслужил».

Недужил я, однако, недолго. Наша «Вечёрка» выходит по средам, «Новая...» — по пятницам, вот в пятницу-то и растормошила меня Алька, с которой мы с вечера среды с краткими перерывами на принятие горячительного оттягивались, ни свет ни заря. Это я, вынужденный от такого насилия глаза продирать, на часах, висящих напротив дивана, разглядел, не поняв, правда, сразу — восемь часов какой поры?

— Вечера, что ли? — спросил, не уточняя, о чём именно спрашиваю, потому что моя подруга к этому моему дежурному вопросу сразу по пробуждении давно привыкла.

Ещё в пору недолгого нашего супружества. Я, когда и в одиночестве пробуждаюсь, такой же вопрос, пока не опохмелюсь, и самому себе задаю.

— Утра, — разьяснила Алька, ко мне прильнув.

— Ты чего?! — попытался отбиться.

— Да твой названивает, — приставила трубку к моему уху. А из мобилы рёв главного редактора:

— Недужишь, мать твою?!

— Ну-ну, полегче, Аверьяныч, — сразу же попробовал пресечь его агрессивность. — Не

тебе мою мать поминать. Да и сам недужить разрешил. Что случилось-то?

— А ты «Новую...» глянь! — рывкнул он и оборвал разговор.

За этим альтернативным нашему, как сейчас выражаются, бумажным изданием, пока собственного сайта не заимевшем, я, конечно, Альку послал, напомнив, однако:

— И в поближе не забудь заскочить.

Алька сметливая, но всё же предложила:

— А может, сначала в поближе?

— Дальше лежит — ближе возьмёшь, — переиначил я на свой лад народную мудрость.

До торгового комплекса, в каком алкоголем торгуют, от моего дома рукой подать, а до киоска «Роспечати» с газетным и прочим бумажным хламом, о чём я уже говорил, чуть ли не семь вёрст киселя хлебать. Зайди она сразу «в поближе» за тем, что на полках стоит, — вряд ли подашься подальше, где своё издание формата А-3 и наши конкуренты на продажу выкладывают. Судя же по раннему и гневному звонку редактора, в нём вновь какая-то гадость о нас тиснута.

— Ясненько, — сникла Алька, но вернулась почти тотчас, будто никуда и не уходила.

А может, скорое её возвращение мне лишь прикинулось. И сунула мне газету соперников:

— На. Опять тебя прославили!

И правда, прославили, но, опять же, по-дурному. Мол, «акула пера» из «Вечёрки» на этот раз лихо прокололся, поскольку, мол, ляпнул,

не проверив, почему яйцо «деревянским» зовётся, а не «деревенским». Потому что, объяснили доходчиво, привозит эту продукцию продавец из деревеньки в нашей области, которая именуется Деревянкой. Так что никакой ошибки в названии яиц из Деревянки нет. И правда, нашёл я тотчас именно такое селение в Интернете, а чуть позже не поленился и съездить в него. Обыкновеннейшая деревушка на окраине лесного нашего края, все строения — деревянные, а вот яйцо от тамошних кур и точно особенное: крупное и вкусное. Потому что никаких добавок нашим курам не даём, а кормим тем же, что на нашей земле и растёт, объяснили мне в Деревянке. И сбывает наше яйцо в городе наш же уроженец по фамилии Деревянкин. Так что, может, он именно по своей фамилии яйца продаваемые так кличет. А зовут его Максимом.

3

Теперь Максим Деревянкин — один из крупнейших олигархов в нашей местности. И поднялся он в олигархи из своей лавчонки «Деревянное яйцо». А я из газеты и вообще из журналистики после той истории ушёл. Сначала — подсобником к Максиму, а затем — и в заготовители его холдинга «Деревянное яйцо». И давно скупаем мы яйца для перепродажи, где они подешевле, а из Деревянки поставляем только на презентации и личного прокорма. □

Николай Васильевич БЕРЕЗОВСКИЙ

родился в 1951 г. на Сахалине.

Окончил Литературный институт имени А. М. Горького.

Автор восьми прозаических, поэтических и публицистических книг,

а также многочисленных публикаций в «Литературной газете»,

еженедельнике «Литературная Россия», в журналах «Юность»,

«Октябрь», «Слово», «Север», «Дружба», «Сибирские огни» и мн. др.

Произведения переводились на японский и многие европейские языки.

По его рассказу «Три лимона для любимой»

снят одноименный кинофильм.

Член Союза писателей и Союза журналистов России.

Живёт в Омске.

